

Искусство не претендует быть научной биографией человека. И Альберт Эйнштейн из одноименной трагедии Н. Погодина в этом смысле — литературный герой. Но пьеса, опубликованная в девятом номере журнала «Театр», рождена размышлениями об обществе с осязаемой, конкретной структурой и об отношении к нему человека, поставленного в ясно определенные исторические обстоятельства. В этой пьесе то возможное, что могло произойти и происходило с великим ученым в жизни, стало художественной обязательностью.

Пьеса Н. Погодина принадлежит именно к такому рода произведениям, хотя сам автор не успел завершить ее полностью, и эта незавершенность чувствуется во второй половине пьесы.

Пьеса начинается естественным и символическим эпизодом. Финансист Дизи Меллинг и музыкант Чезаре Эпштейн (каждый по своей надобности) разыскивают вечером дом ученого, желая увидеть Эйнштейна. Спросили адрес у прохожего — студента-богослова, а он понятия не имеет об Эйнштейне. В середине эпизода в одной из неосвещенных дверей появляется некто, спрашивающий, нет ли у Дизи и Чезаре табака для трубки. В этом просителе как бы угадывается сам Эйнштейн. Но очень смутно. Его фигура вскоре скрывается за дверью, нераспознанная, странная. Тут-то появляется вновь студент-богослов, от товарища он узнал: Эйнштейн — выдающийся физик, а значит — великий человек. Круг замкнулся, но очерченное им, как огни рекламы, лишено подлинного человеческого содержания. Трагедия Альберта Эйнштейна началась, хотя он и не подозревает о ней.

Трагедия Эйнштейна продолжится при свете дня, в ярко освещенных залах и кабинетах. Он как бы уже найден. Он четко обозреваем и узнан собравшимися, невольно задающимися одним вопросом: каков же вы, господин великий человек?

Эйнштейна рассматривают в упор, его буравят взглядами и обращенными к нему монологами. Одними руководит просто любопытство, другими — любопытство, замешанное на почитании, третьими — деловая заинтересованность. Но всех объединяет напряженное и чуть-чуть подозрительное ожидание. Все чего-то ждут от Эйнштейна. Всем кажется, что он

что-то таит от окружающих. И когда этой тайной становится нечто грандиозное или во всяком случае пикантное, то любопытство становится улыбающимся, по-американски одобряющим, по-американски одобряющим посвистывающим. Когда же Эйнштейн по складу натуры принимает слугу за хозяина дома и вступает с ним в разговор, любопытство обижается, гневается.

Эйнштейн чувствует себя в этой нервной, наэлектризованной атмосфере неловко. Он ценит не свое величие, даже не свой мозг, а способность человеческого сознания прони-

для человечества хотя бы в грядущем обрести эту гармонию.

Во имя любви к людям Эйнштейн позволяет нарушить небесную гармонию, спустить ее на Землю в искаженном виде. Перед лицом готовившейся нацистской атомной бомбы, побуждаемый коллегами, Эйнштейн подписывает письмо Рузвельту о создании американской антифашистской бомбы. Эйнштейн принимает это решение в жестоких муках. Он лучше всех знает силу взбешенной, вырвавшейся на волю энергии ядерного распада. Он видит перед собой неми-

открываем в трагедии Эйнштейна ее парадоксальную нравственную красоту.

В недовершенной до всех необходимых оттенков пьесе Н. Погодина, к счастью для читателя, успели полностью воплотиться три важных персонажа. Финансист Дизи, своей деловой хваткой и расчетом каждого жизненного шага противостоящий Эйнштейну, отличается цельным и вовсе не окарикатуренным характером. Чувство мощи делает его одновременно и злым и добрым. Он может убрать человека с дороги, но мо-

нию, жалки и недостойны умного и здорового мужчины.

Гарри служит Америке. Америка Дизи платит ему, дает работу и возможность каждый день касаться ланцетом тела эйнштейновой гармонии. Гарри ненавидит всех тех, кто угрожает спокойствию Америки Дизи, Гарри — не Каин. По собственному признанию, он — Сальери, он реалист. Именно суровый, низменный, по-своему сильный реализм ущемленного, изуродованного самолюбия заставляет Гарри Гордона к концу пьесы совершить политический донос на физика Антуана Притчарда, нанести ему хорошо подготовленный удар ножом в спину. Гарри делает это, нахватавшись в приподнятом торжественном настроении. Кажется, что он слышит такты воинского марша и шагает в согласии с ними, как «честный» легионер.

Антуан Притчард — своеобразная параллель Эйнштейна. Его и слабость и сила в его более молодом возрасте. Антуан принадлежит к честным натурам, которые готовы защищать республику в Испании, не зная, собственно, что она собой представляет в реальности. Его окружают некие отвлеченные символы правды, человечности, которые под ударами обстоятельств тают, как миражи, тогда Антуан обнаруживает свои моральные ценности, встав на путь бескомпромиссной борьбы с обществом. Эта борьба уже однажды надолго оторвала его от лаборатории. Но он скорее навсегда оставит «лаб», чем станет Гарри Гордоном. Он продолжит ту тропу, к началу которой пришел умирающий Эйнштейн.

Несомненно, путь у Антуана нелегкий, и никто не избавит его от эйнштейнова вопроса о союзе двух гармоний: логики и правды науки и разумности и правды общественного устройства. Союз этих гармоний немислим в стране, где ученого похлопывает по плечу сытый Дизи и по пятам преследует уязвленный Гарри. Однако именно союз этих двух гармоний остался для Антуана тем добрым светом старого маяка, хранителем которого мечтал стать Эйнштейн, герой пьесы Погодина. Луч света ярко выхватывает людей науки, волей исторических судеб оказавшихся в какое-то время на одной скамье, в одном холле, в одной лаборатории с убийцами.

И. КУПЦОВ.

„Московский комсомолец“ 12 декабря 1988

Театр анатомирует науку

ТРАГЕДИЯ АЛЬБЕРТА ЭЙНШТЕЙНА

кать в высшие сферы природы, приобщаться к ним. Он искренне тяготится тем непониманием, которое отделяет его от окружающих. Он всячески старается убедить их и доказать еще раз себе, что он, Эйнштейн, — человек. Такой же земной, обычный, нормальный человек, как и все. Эйнштейн склонен допустить, что все люди, как и он, земные, обычные, нормальные. Но чем пристальнее он всматривается в эти различные по формам, но духовно близкие друг другу лица, чем все более ощущает их эгоистичную, монотонную, но цепкую и удушливую психологию, тем чаще и чаще обращает свои мысли к высшей гармонии Вселенной, к которой он да еще несколько ученых нежно и трепетно прикасаются формулами, как пальцами к смычку скрипки. Эйнштейн мечтает о перенесении этой гармонии в человеческую, общественную жизнь. Он сочувствует прогрессивным идеям, в чистом порыве в свое время даже пишет приветствие Ленину, но в силу своих кротких, очень рафинированных гуманистических устремлений, конечно же, остается вдали от какой-либо сознательной и постоянной классовой борьбы, политического протеста. Ему всего дороже существование высшей небесной гармонии и возможности

нужные разрушения, гибель массы людей. Но он ставит свою решающую подпись под письмом президенту. Он человек. Он ненавидит фашизм. Он не может позволить кому-либо отобрать у повергнутых фашистской дьявольской силой народов возможность на будущее счастье. Наконец, Эйнштейн верит в честность и человечность Рузвельта.

Рузвельт умирает. Атомная бомба падает на японские города. Она ценной жизни сотен тысяч мирных людей должна продемонстрировать перед русскими, перед вчерашними союзниками всемогущую, диктующую мощь американской военной машины. Демонстрация грозит стать страшной практикой, глобальной действительностью. Трагедия развертывается.

В этот момент, собственно, и кладутся последние рембрандтовские краски драматурга. Эйнштейн приближается к открытию многих новых для него истин.

Его реакция на античеловеческую среду становится активнее. Но смерть, как морская волна с кромки прибоя, слизывает эти последние следы ученого, смывает их... Она, не запрещая размышлять о возможности, обращает наши взоры к осуществившемуся. И, возвращаясь назад, мы заново

жет и великодушно отнести «левые» взгляды стареющего Эйнштейна к его безобидной чудаковатости. Это респектабельное самодурство особенно чудовищно. Именно оно олицетворяет в человеческом преломлении неуправляемость дьявольской реакции, которая заигрывает с людьми, играет с ними, чтобы однажды с ходядой, не дающей объяснений жестокостью обрушиться на них. Но пока Дизи чрезвычайно могуч и уверен в себе. Он искренне признается в симпатиях к сослужившему важную службу, но такому независимо мыслящему ученому, как Эйнштейн. Дизи — не кошка, а Эйнштейн — не мышка. И Дизи приятно сознавать себя могущественным янки рядом с талантливым эмигрантом, которого приютила и усыновила его сытая, прагматичная, деятельная Америка.

В эту Америку влюблен и физик Гарри Гордон. Гарри прикован не только к своим формулам, к ежеминутному труду ученого. Он прикован к не ему принадлежащим великолепно оснащенным лабораториям особой секретности, в которых единственно могут осуществиться его замыслы. И поэтому, чувствуя себя рабом, Гарри освобождается от интеллигентского самоанализа, от пресловутого гуманизма, чьи абстракции, по его мне-